

НЕ ОТВЕЧАЙ МЕРТВЕЦАМ

Ри Мацурова

18+

Ри Мацурова

Не отвечай мертвецам

«Автор»

2026

Мацурова Р.

Не отвечай мертвецам / Р. Мацурова — «Автор», 2026

Одиннадцать лет назад Нэнси чудом выжила в чудовищной автомобильной аварии. С тех пор она не вылезает с сайтов психологической поддержки, где однажды знакомится с доктором Пирсом. С его помощью Нэнси решает побороть свои страхи и вернуться в место, преследующее её во снах. Вот только поездка оборачивается новым кошмаром. В доме посреди леса один за другим исчезают её друзья, а человек, которому она доверяла больше всех, оказывается монстром. И, кажется, он одержим ею гораздо дольше, чем Нэнси могла себе представить.

© Мацурова Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предупреждение	5
Нэнси	6
Пирс	11
Нэнси	14
Пирс	20
Нэнси	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ри Мацурова

Не отвечай мертвецам

Предупреждение

«Не отвечай мертвецам» – новелла в жанре хоррор-слэшера с элементами dark romance. История содержит сцены и темы, которые могут оказаться триггерными для некоторых читателей: посттравматическое стрессовое расстройство, смерть близких, преследование, stalking, жестокость и элементы сомнительного согласия. Пожалуйста, позаботьтесь о своём эмоциональном состоянии.

Но если вы готовы, добро пожаловать в Тсуговую лощину.

Нэнси

Одиннадцать лет подряд мне снится один и тот же сон.

Ночь. Хвойный лес. Машина сворачивает с шоссе на просёлок, ведущий к одинокому дому. Четыре часа назад мы выехали из Нью-Йорка, и с тех пор за окнами не осталось ничего, кроме тёмных гор, озёр и бесконечных сосен.

Я говорю сидящим спереди родителям:

– У меня разрядился телефон. Дайте мне кто-нибудь зарядку.

– Посмотри в багажнике, – отвечает мама, зевая. – Но можешь и потерпеть, мы скоро приедем.

У нас старенький «Форд Эксплорер», поэтому в багажник можно пролезть прямо из салона, если немного отодвинуть спинку заднего сиденья. Я так и делаю. Затем на ощупь отыскиваю дорожную сумку. Белый провод лежит прямо сверху. Как только мы доберёмся до летнего домика, который родители сняли на День независимости, я смогу подзарядиться. Надеюсь, там есть электричество и хотя бы одна нормальная розетка.

Когда я выныриваю из багажника, вдалеке уже виднеется белое крыльцо, освещённое подвесным фонарём. Мы подъезжаем, и дверь резко открывается. К нам выходит мужик с усами в форме подковы и машет рукой. На нём идиотская соломенная шляпа, какие обычно надевают на пугала.

– Семья Халлиуэл? Вы прямо по секундомеру. Добро пожаловать в парк «Тсуговая лощина».

Папа выходит из машины, хлопает дверцей и пожимает ему руку.

– Комаров тут у вас много?

Он пытается отогнать жужжащую над ухом тварь.

– Как и везде у воды.

– Ясно. У нас с собой есть аэрозоль от насекомых. И пара ловушек для крыс.

– Насчёт крыс не беспокойтесь. Мы их потравили ещё прошлым летом. Больше они нас не беспокоили.

– Да? Вы бы сказали, и мы бы привезли своих из Нью-Йоркского метро.

Они смеются. Громко. Будто это самая смешная шутка, какую им доводилось слышать. Мама тоже здоровается с хозяином, премило ему улыбнувшись. Затем он наклоняется ко мне и принимается идиотским писклявым голоском спрашивать: «А кто тут у нас?». Я хмурюсь. Мне давно не пять лет. И даже не восемь. Целых девять, между прочим. За свои годы я уже успела научиться нырять с бортика и умножать столбиком, отчего ребёнком себя больше не считаю.

Мы отправляемся в дом. Я наконец нахожу, где зарядить телефон. К сожалению, связь здесь ни черта не ловит, но это не так уж страшно. Мы специально приехали отдохнуть вдали от цивилизации, чтобы побыть наедине с природой. Купаться в озере, собирать чернику, гулять по лесным тропам и смотреть фейерверки с деревянного причала.

Машина хозяина коттеджа припаркована сбоку. Он не хочет нам мешать и после небольшого инструктажа, как правильно запускать запасной генератор и включать насос, подающий воду из скважины, услужливо отчаливает восвояси. Поездка выдалась утомительной, и мы втроём разбредаемся по комнатам на втором этаже, где нам уже застелили постели – очень мило со стороны этого деревенского чудака. Практически как в пятизвёздочном отеле.

А затем я просыпаюсь. Грудь сдавливает так, будто на неё сел великан. Мне совершенно нечем дышать. Прямо перед моей кроватью висит белый плакат, на котором крупными чёрными буквами написано:

Что ты видишь ?

До чего ты можешь дотронуться ?

Что ты слышишь ?

Я никогда не сплю в полной темноте, чтобы, проснувшись, сразу его увидеть. Делаю всё, как велел психолог. Называю пять вещей, которые вижу. Четыре, которых могу коснуться. Три звука, которые слышу. А затем чуть приоткрываю окно, и в затхлую комнату врывается запах дождя.

Начинает отпускать.

На часах три пятнадцать. К счастью, утром мне не придётся бежать на пары – сейчас лето. Можно попробовать чем-нибудь отвлечься. Ха. Как будто после такого я вообще способна уснуть. На первый взгляд мой сон может показаться не таким уж страшным. Обычная семейная поездка, старый дом посреди леса, ничего особенного. Наверняка большинство решило бы, что я драматизирую, – по крайней мере, именно это было написано на лице моего школьного психолога, когда я впервые рассказала ему о кошмаре. Но на свете не существует чудовища, которое пугало бы меня сильнее, чем эта чёртова дорога.

Когда-то я уже по ней ехала. Одиннадцать лет назад. Мы с родителями сняли летний домик в глуши Адирондакских гор, чтобы провести День независимости всей семьёй. Я тогда хотела остаться в Нью-Йорке, потому что в кинотеатрах шла «Головоломка», а я обещала Сью посмотреть её вместе. Мне совсем не хотелось несколько дней торчать в скрипучем доме посреди леса, наверняка полного привидений. И, как оказалось, зря родители меня не послушали.

В тот день на нашу машину рухнула сосна – старая, высохшая изнутри, с корнями, размытыми недавними ливнями. Ствол проломил крышу прямо над передними сиденьями. Тело моей матери разможило в лепёшку. Её рука торчала из-под искореженной двери, бледная и неподвижная, как от сломанной пластмассовой куклы. Отец всё ещё мог дышать, хотя сухая ветка пробила ему живот насквозь. Крови было так много, что она стекала между сиденьями и собиралась у моих ног тёплой липкой лужей. А я осталась невредима, потому что именно в этот момент полезла в багажник за проводом от зарядки. Не знаю, кто меня спас – ангел-хранитель или сам дьявол, – но с тех пор я не была ему благодарна ни единой секунды.

В газетах происшествие прозвали «Пункт назначения в Тсуговой лощине». Пункт назначения в, мать его, Тсуговой лощине. Как будто это не трагедия, уничтожившая во мне всё живое под корень, а название какого-то низкопробного ужастика, который крутят в кинотеатрах за полцены на ночных сеансах. Я до сих пор не могу в это поверить. Ни в газетные заголовки, ни в то, что моя жизнь реальна и однажды я не проснусь от этого затянувшегося кошмара.

Завариваю себе успокаивающий чай с мелиссой и достаю ноутбук, чтобы поскролить ленту в социальных сетях и больше не думать о сне. Обычно состояние полного опустошения длится первые полчаса, а потом, когда я возвращаюсь к привычной рутине, мысли заполняются посторонними вещами и я перестаю заниматься самобичеванием.

На страницах друзей не появилось ничего нового. Печально. Значит, придётся снова зависнуть на «Дружеском плече» – сайте психологической поддержки. За семь долларов в неделю там можно в любое время связаться с одним из волонтеров-консультантов, готовых помочь человеку пережить кризис. Со мной такие кризисы случаются чуть ли не каждую ночь, поэтому подписка давно себя окупала.

Я не привыкла искать утешения в разговорах с близкими. Так повелось с самого детства. После смерти родителей я переехала из Нью-Йорка в колониальный особняк бабушки и дедушки неподалёку от Нового Орлеана, и всё оставшееся детство провела в атмосфере благополучного удушья. В их доме время словно остановилось: тяжёлые шторы не раздвигали даже днём, серебро начищали по субботам, а за ужином нельзя было класть локти на стол и упоминать ничего, что могло испортить аппетит. Мои ночные кошмары, судя по всему, относились именно к этой категории.

Закончив школу, я поняла, что больше не выдержу ни Луизиану, ни этот дом, ни заботу, которая затягивалась на шее ту же с каждым годом, и вернулась в Нью-Йорк. Здесь никто не помнит о том, что произошло со мной одиннадцать лет назад. Почти никто. Но люди, которым я всё-таки решалась рассказать, почему-то вскоре исчезали из моей жизни, растворяясь в безымянной толпе мегаполиса.

Я снова захожу на «Дружеское плечо» и жду, когда система подберёт мне свободного консультанта. На экране пляшут милые зайчата, которые, скорее всего, должны меня успокоить, но вместо этого у меня, кажется, поднимается давление. Я стучу пальцами по столу и бесцельно оглядываю комнату.

Она такая маленькая, что, сидя на кровати, можно одновременно дотянуться до письменного стола, шкафа и двери. Подоконник заставлен учебниками по анатомии и коробками с добром из Луизианы – в комнате для них просто не нашлось другого места. На стенах висят старые киноплакаты, которые мне бесплатно отдали в одном кинотеатре перед закрытием. Среди комедий и мелодрам затесались фильмы ужасов: огромная муха со светящимися глазами, окровавленная хоккейная маска и черноволосая девушка, зажимающая себе рот.

Мне нравятся хорроры. В них зло почти всегда имеет форму. Маску. Лицо. Тело, в которое можно выстрелить и вонзить нож. С ним можно бороться. Иногда его даже удаётся победить. В жизни всё устроено иначе. Зло просто забирает всё, что хочет, и продолжает безраздельно властвовать.

Я снимаю комнату у милой женщины по имени Дороти, которая прямо сейчас сладко спит за стенкой. У неё никогда не было ни мужа, ни детей, ни даже кошки или собаки. После шестидесяти Дороти решила, что ей стало слишком одиноко в огромной квартире, и нашла квартирантку. За аренду я плачу сушие гроши, но в обмен должна смотреть с ней «Сахарную бойню» каждую пятницу и иногда есть домашнее печенье. «Должна» – не совсем правильное слово. Меня всё устраивает. Я бы так всю жизнь и прожила. Хотя первое время мне до одури хотелось найти парня, съехаться с ним и наконец обзавестись чем-то похожим на нормальную жизнь.

Больше не хочется.

На экране загорается имя: «Ри Пирс». Никогда раньше мне не попадался этот специалист. Фотографии в профиле нет, только стандартный серый силуэт – возможно, новенький. Или новенькая. Открывается чат, и Ри начинает классический диалог.

Ри: Что вас сегодня беспокоит?

Глубоко вздыхаю. Наверное, мне давно пора прервать подписку и найти настоящего терапевта. Поначалу мне здесь правда нравилось – платформа помогала быстро прийти в себя и не натворить глупостей. Но потом, когда советы консультантов начали повторяться, меня это стало раздражать.

Я: Много что. Даже не знаю, с чего начать.

Ри: Вы так рано проснулись или ещё не ложились?

Я: Проснулась.

Ри: Неприятный сон?

Я: Давайте не будем об этом.

Ри: Но ведь именно он побудил вас обратиться на «Дружеское плечо», не так ли?

Я: Просто я уже обсуждала это сто раз. Вы ничего нового мне не скажете.

Ри: Хорошо. Давайте поговорим о чём-нибудь другом. Выберите тему, которая кажется вам безопасной. Личная жизнь, учёба, работа, спорт?

Я: Ничего из перечисленного в моей жизни на данный момент нет. Недавно меня бросил парень, когда узнал про мои сны. Точнее, про то, что их вызывает. Он понял, что у меня есть определённая травма, и испугался. По крайней мере, я так это понимаю. Решил, что я бракованная.

Ри: Что заставляет вас так думать? Он сказал об этом напрямую?

Я: Нет, конечно. Просто так совпало, что я наконец поделилась с ним самой сокровенной тайной, а он взял и испарился. Что ещё я должна думать?

Ри: Мы не можем залезть в голову другому человеку. Чужая душа – потёмки. Иногда связь между нашими поступками и поступками других людей существует только в нашем воображении.

Я: То есть мужчины не ищут специально женщин из полных семей, без татуировок и справок от психиатра? Я слышала об этом сто раз. Но всё равно рискнула и поплатилась.

Ри: Вы действительно хотели бы связать жизнь с человеком, который принимает только удобную часть вас?

Я: Не знаю. Порой хочется, чтобы рядом был хоть кто-нибудь. Любой ценой. Но иногда мне кажется, что это невозможно из-за моего... изъяна.

Ри: Прямо сейчас у вас есть я.

На несколько секунд я замираю, глядя на эту фразу. Она выглядит какой-то чересчур интимной, хотя, возможно, Пирс рассылает её всем своим ночным собеседникам.

Я: Извините, а вы мужчина или женщина?

Ри: Как это повлияет на ваши чувства?

Я: Возможно, мне бы это помогло. Я хочу увидеть, что со мной разговаривает реальный человек, а не буквы. Пришлите свою фотографию?

Ри: Здесь нет функции отправки фотографий.

Я: Могу дать вам свою почту.

Ри: Это противоречит правилам платформы. Давайте лучше вернёмся к тому, что вы назвали своим изъяном. Он связан с кошмаром, от которого вы сегодня проснулись?

Я: Да.

Ри: Вы по-прежнему не хотите об этом говорить?

Я: Как я уже сказала, это бесполезно. Я расскажу вам про свой сон. Вы ответите, что прошлое не может причинить мне вреда. Потом посоветуете сосредоточиться на дыхании и напомнить себе, что сейчас я нахожусь в безопасности. Наверное, всё это написано в учебнике по психологии, который вас заставляет учить наизусть.

Ответа нет почти минуту. Я уже начинаю думать, что Ри обиделся и отключился, но затем возле имени снова появляются три прыгающие точки.

Ри: Что вы видите во сне?

Я: Дорогу. И дом.

Ри: Вам известно, что это за место, или оно существует только в вашем сознании?

Я: Оно реально.

Ри: И вы никогда туда не возвращались?

Я: Нет.

Ри: Возможно, именно поэтому оно до сих пор обладает над вами такой властью.

Я: И что вы мне предлагаете?

Ри: Я не могу ничего вам предлагать, не зная всей истории. Но иногда, чтобы разорвать связь с травматичным местом, человеку необходимо снова увидеть его таким, какое оно есть сейчас. Не во сне и не в воспоминаниях. Возможно, вам нужно с ним попрощаться.

Я: А вы точно психолог?

Ри: В терапии существует множество подходов. В том числе экспозиционный.

Я: И вы разве не думаете, что мне станет только хуже?

Ри: Не исключено. Поэтому я не советую вам отправляться туда в одиночку и не стану уговаривать вас возвращаться. Но вы ведь смотрели фильм «Оно»? Или, может быть, читали книгу. Чтобы победить монстра, героям пришлось вернуться туда, где всё началось, и посмотреть своему страху в лицо.

Я: Не думаю, что вы квалифицированный психолог.

Несколько секунд я смотрю на последнее сообщение. Затем нажимаю на крестик и разъединяю чат.

На экране всплывает окошко: «Оцените беседу». Сначала мне хочется поставить Ри Пирсу единицу и пожаловаться на то, что консультант пытался свести меня с ума при помощи сомнительных терапевтических методов. Но потом я задумываюсь. Как ни странно, после разговора с этим любителем ужасиков я действительно чувствую себя лучше. Возможно, мне даже хотелось бы когда-нибудь поговорить с ним снова. Жаль только, что правила платформы запрещают консультантам переходить на сторонние сервисы, а система каждый раз соединяет тебя со случайным свободным специалистом. Закрывая ноутбук, я в последний раз смотрю на опустевшее окно чата.

Пирс

Нэнси, зачем же ты так? Я ведь искренне хотел помочь. Знала бы ты, чего мне стоило попасть именно в твой чат.

На «Дружеском плече» проверяют квалификацию всех консультантов: требуют дипломы, лицензии и рекомендации. Похвальная предусмотрительность. К счастью, один мой приятель – будем называть его так, чтобы не вдаваться в подробности нашего знакомства, – недавно свернул себе шею, занимаясь альпинизмом в Гималаях. Каждый год там погибают сотни человек, но даже самые счастливые представители человечества, которым, казалось бы, есть что терять, всё равно карабкаются наверх, будто на уровне океана не осталось занятий им по душе. Не стану их осуждать. Мне это только на руку.

Впрочем, вернёмся к моему приятелю. Его заслуги можно перечислять бесконечно: докторская степень Колумбийского университета, лицензия клинического психолога штата Нью-Йорк, сертификат специалиста по работе с посттравматическими расстройствами и двенадцать лет безупречной практики. Уважаемый человек. Надёжный. Исключительно полезный – особенно после смерти. Единственное, чего у него не было, так это семьи, поэтому никто до сих пор не заметил его исчезновения.

После схода лавины в базовом лагере творится суший ад: спасатели ищут выживших, тела лежат под несколькими футами снега, связь работает через раз. Пока его найдут, опознают и доберутся до ноутбука, у меня будет достаточно времени. Возможно, даже несколько недель. Надеюсь, ты всё-таки напишешь мне снова. Я, честное слово, очень старался.

Нэнси, Нэнси, Нэнси. На тебя трудно злиться после всего, что ты пережила. Пожалуй, это я допустил ошибку. Не стоило так настойчиво подталкивать тебя к возвращению в Тсуговую лощину. Люди не любят, когда незнакомцы без разрешения трогают их самые болезненные воспоминания.

Хотя готов поспорить, что какая-то часть тебя осталась довольна.

Таким, как я, несвойственно заикливаться на девочках-студентках, страдающих от ПТСР. Мне вообще не следует ни на ком заикливаться, а уж тем более привязываться. Привязанность порождает сомнения, сомнения замедляют реакцию, а промедление в моём роде деятельности чревато крайне неприятными последствиями.

Как вы, вероятно, уже поняли, никакой я не психолог. Человеческие чувства всегда были мне чужды. Как, впрочем, и мои собственные – до тех пор, пока не появилась *она*.

Нэнси.

Раньше красота заключалась для меня в доведении дела до конца. В мире вообще очень мало по-настоящему совершенных вещей. Конец – одна из них. Но теперь красота заключена в её имени. Нэнси. Порой мне кажется, что я полюбил всех девушек, которых так зовут, лишь потому, что каждая из них несёт в себе крошечную часть той самой – Нэнси Халлиуэл. Им достаточно иметь с ней один процент сходства, чтобы вызвать у меня симпатию. Причинять им боль стало почти неприятно. Не настолько, чтобы отказаться от этого совсем, разумеется, но достаточно, чтобы впоследствии испытывать нечто похожее на сожаление.

Вообще, только благодаря Нэнси я начал различать собственные эмоции. Раньше «злость», «радость», «грусть» и «нежность» были для меня не более чем сочетаниями букв – примерно как слово «тахифилаксия» для вас (если вы, конечно, не фармаколог). Но да ладно. Вернёмся к моим чувствам. Пусть я и не заплатил вам триста долларов за сеанс, вам всё равно придётся меня выслушать.

Когда я начал наблюдать за Нэнси по работе – так я предпочитаю называть тот период, когда собирался её убить, – это неожиданно доставило мне удовольствие. Впервые я увидел её ещё ребёнком. Её имя оказалось в моём списке и оставалось там долго. Непозволительно долго.

За это время Нэнси успела вырасти, закончить школу, покинуть дом бабушки с дедушкой и вернуться в Нью-Йорк. Обычно мои обязательства не требуют подобного терпения. Однако с ней всё с самого начала пошло не так.

К восемнадцати годам Нэнси заметно отличалась от большинства своих ровесниц. Подруг у неё было достаточно – что неудивительно, ведь Нэнси очень мила – и все они думали преимущественно о развлечениях: парнях, шмотках, новых телефонах и о том, сколько просмотров наберет их липсинг в «ТикТоке». Нэнси тоже ходила на вечеринки, но её веселье всегда было представлением. Она шла в потную толпу подвыпивших студентов не потому, что любила шум, а потому, что в шуме становилось труднее слышать собственные мысли. Среди музыки, криков и тел, прижимавшихся друг к другу, она пыталась забыть о смерти. Не думать о ней хотя бы несколько часов.

Но я всё равно видел смерть в её глазах.

Они у неё, кстати, серо-зелёные, с тонким янтарным кольцом вокруг зрачка. При тусклом свете кажутся почти бесцветными, а на солнце приобретают оттенок морской воды перед грозой. Я прожил на земле достаточно долго и видел бесчисленное множество глаз, но такого красивого цвета прежде не встречал. Я, разумеется, не художник, однако, по моему скромному мнению, он превосходно сочетается с её клубнично-рыжими волосами. Этот оттенок Нэнси покупает в ближайшем супермаркете примерно раз в месяц, когда у пробора появляется светлая полоса отросших корней.

В общем, мне было приятно следить за этой задумчивой девушкой и её размеренной жизнью, пропитанной глубоким отчаянием, которое со стороны легко было принять за спокойствие.

А теперь мне неприятно, Нэнси. Очень неприятно.

Начало августа, но Нью-Йорк встречает ночь холодным дождём. Вода барабанит по жестяному карнизу, стекает мутными ручьями по окнам и собирается в лужах, где дрожат отражения вывесок. Кажется, будто на улицах снимают очередной ремейк «Ворона» или, что ещё хуже, рекламу Найк. В такую погоду совершенно не хочется работать. Однако придётся.

У меня нет сменщиков. Нет помощников, секретаря или понимающего начальника, которому можно позвонить и сослаться на внезапную мигрень. Я всегда работаю один и позволяю себе отдых лишь в тех редких случаях, когда кто-нибудь, подобный мне, успевает забрать заказ раньше.

Скотт Галлахер. Сто восемьдесят семь, Вандербильт-авеню. Совсем недалеко.

Он живёт на четвёртом этаже старого кирпичного дома, зажатого между прачечной самообслуживания и круглосуточной аптекой. С торца висит проржавевшая пожарная лестница, водосточная труба отходит от стены, а каменный карниз крошится так давно, что скоро наверное совсем отвалится.

В обычную ночь я бы ограничился чем-нибудь простым вроде упавшего на голову кирпича. Несчастный случай не должен выглядеть изобретательно – напротив, чем он скучнее, тем охотнее люди в него верят. Приезжает полиция, парамедики, страховая компания. Все носятся с бумажками, и никому не приходит в голову задавать лишние вопросы.

Но сегодня мне не хочется простоты.

Сегодня мне хочется, чтобы Скотт успел пострадать.

Он возвращается домой около половины четвёртого, сутулясь под прозрачным зонтом – Скотт работает ночным портье. Пиджак промок на плечах, один шнурок развязался, а из бумажного пакета, который он прижимает к груди, выглядывает апельсиновый сок и замороженная пицца. Он даже и не подозревает, что это был его последний поход в круглосуточный магазин.

Скотт немного задерживается, чтобы найти ключи. Над ним дрожит старая пожарная лестница. Сегодня ветер сильнее обычного, металл мокрый, крепления давно разъедены ржав-

чиной. Мне почти ничего не приходится делать. Лишь слегка надавить на единственное звено. Раздаётся короткий треск.

Скотт поднимает голову.

Лестница срывается не целиком. Сначала вниз обрушивается нижняя секция и прижимает Скотта к каменным ступеням. Бумажный пакет лопается, пицца скользит в лужу, апельсиновый сок растекается вокруг его головы.

Скотт пытается выбраться, но не может. Его тело изгибается под железом, а пальцы скребут мокрый камень. В окнах загорается свет. Я мог бы закончить всё сейчас, но позволяю верхней площадке лестницы продержаться ещё немного. Ровно столько, чтобы Скотт понял: первый удар был не самым страшным. Он слышит новый скрежет и поворачивает голову.

Вторая секция обрушивается с грохотом.

Крик обрывается, но Скотт остаётся жив. К несчастью для него, человеческое тело способно выдержать удивительно многое. Он корчится под грудой металла, издавая короткие влажные звуки, уже не похожие на слова. Пытается позвать на помощь, однако изо рта выходит лишь хрип. На белой рубашке расплзается тёмное пятно, дождь разбавляет кровь и уносит её по ступеням к водостоку.

Честно говоря, мне становится легче.

Скорая приезжает через девять минут. Скотт уже не дышит, когда пожарные поднимают металл. Я ухожу прежде, чем машина отъезжает от дома. Дождь успел ослабнуть, и Нью-Йорк снова выглядит мирно. Завтра в новостях напишут об аварийном состоянии здания. Управляющая компания выразит соболезнования. Городские службы пообещают провести проверку пожарных лестниц во всём районе. На несколько недель жильцы начнут чаще смотреть вверх, выходя из подъезда, а потом забудут.

Все о нем забудут. Включая меня. Но, возможно, не ты, Нэнси, если когда-нибудь это прочтёшь.

Нэнси

После обеда мы встречаемся с девочками, чтобы совершить нашу еженедельную вылазку на скалодром. Нас трое: я, Брукс и Молли. И все мы самые настоящие слабачки. Но любимая фитнес-блогерша Брукс однажды заявила, что за час скалолазания можно сжечь больше калорий, чем за семь миль бега. Проверять я, разумеется, не собираюсь. Я бы не осилила семь миль, даже если бы за мной по пятам бежал Пеннивайз.

При мысли о нем я снова вспоминаю доктора Пирса, с которым разговаривала этой ночью. Не понимаю, почему он никак не выходит у меня из головы.

Он?

Я ведь так и не выяснила, кто сидел по ту сторону экрана. Возможно, Ри Пирс – женщина лет шестидесяти, наподобие моей Дороти. Или даже сама Дороти. Хотя нет. Я прекрасно слышала её храп сквозь шум ночного дождя.

Кстати, именно Брукс рассказала мне о том сайте. Она призналась, что сама обращалась туда после того, как жених бросил её всего через месяц после помолвки. В семье Брукс все были ярыми католиками и считали, что девственность нужно хранить до свадьбы. Предложение руки и сердца она восприняла как гарантию того, что они действительно поженятся, и впервые переспала с женихом. Они ещё даже не успели толком начать подготовку к торжеству, когда он, как последний трус, прислал ей эсэмэску: «Извини, ничего не получится. Кольцо можешь оставить себе». Потом оказалось, что он решил её кинуть из-за того, что она отказалась делать ему минет. Поначалу парень и правда хотел жениться, но затем осознал, что любви до гроба без минета не существует. Я ей сразу говорила, что выходить замуж, учась в колледже, – это полная лажа. Но она меня, конечно, не послушала.

Итак, я направляюсь в парк.

Днём, когда солнечный свет просачивается сквозь зелёную парковую листву и рассыпается по дорожкам подвижными пятнами, всё воспринимается совершенно иначе. Это трудно объяснить, но я могу попробовать.

Я прекрасно помню, кто я такая. Помню каждую ночь, когда просыпалась в холодном поту, не сразу понимая, где нахожусь. Помню залитый кровью салон «Форда», треснувшее стекло и торчащую из-под смятого металла кукольную руку моей матери. Помню всё до последней мелочи – даже запах железа и хвои.

Но днём эти воспоминания заперты глубоко внутри. А снаружи – аккуратный макияж, чистая отглаженная футболка и волосы, уложенные на «Дайсон», который подарила мне бабушка. Я не позволяю никому разглядеть ту развалюху, которой являюсь на самом деле. Даже себе. Поэтому перед каждой встречей натягиваю улыбку, расправляю плечи и первой бросаюсь обниматься.

– Привет, детка! – щебечет Брукс, едва завидев меня.

Сегодня на ней белая теннисная юбка-шорты и крошечный розовый спортивный топ. Ума не приложу, как набожная мамаша выпустила её из дома в таком виде. Возможно, Брукс надела сверху монашескую рясу и сбросила её в ближайшем переулке.

– Готова покорять вершины?

Она сжимает меня в объятиях, пахнущих ванильным спреем и кокосовым солнцезащитным кремом.

– Я бы сейчас предпочла покорить вершину поострее.

С тех пор как Брукс лишилась девственности со своим бывшим, её юмор заметно испортился.

Мы ждём Молли возле фонтана. Брукс разминает плечи и рассказывает, какие мерзкие парни попались ей накануне в приложении для знакомств. Солнце нещадно бьёт в глаза. Я

опускаю голову и замечаю, что у меня развязался шнурок. Нагибаюсь, чтобы его завязать, пока подруга продолжает вещать о непрощенных дикпиках и моральном разложении мужчин нашего поколения.

Из-за спины раздаётся громкий свист.

– Классная задница!

Группа подростков взрывается хохотом. Несколько прохожих оборачиваются. Желудок моментально стягивается в тугой узел. Я выпрямляюсь слишком резко и едва не теряю равновесие.

– Не обращай внимания, – говорит Брукс. – Малолетки. Что с них взять?

Она показывает одному из них средний палец, а затем, словно ничего не произошло, продолжает разминку, поворачивая корпус вправо и влево.

– Нам пора найти место, где собираются мужчины постарше. Желательно богатые, одинокие и с уже полностью сформированной лобной долей.

Кончики моих ушей начинают гореть, потому что я опять думаю о докторе Пирсе.

Чёрт. Как же надоело.

Что я вообще успела себе навоображать за наш двадцатиминутный разговор? Я далеко не впервые обращалась на «Дружеское плечо», но раньше со мной ничего подобного не происходило. Возможно, дело в том, что у остальных консультантов в профилях были фотографии. Обычно мне попадались улыбчивые пенсионеры или студенты-психологи, старательно повторяющие одни и те же выученные фразы.

Насколько я знаю, некоторые университеты засчитывают волонтерские консультации на платформе как практику. Опыт, наверное, действительно полезный. Чаще всего людям достаточно, чтобы их просто выслушали. Уверена, там хранится столько историй, что можно написать не одну книгу.

– Простите меня, пожалуйста! – раздаётся запыхавшийся голос.

К нам бежит Молли, прижимая одной рукой к боку большую спортивную сумку. Её светлые волосы выбились из хвоста и прилипли ко лбу.

– Там опять какая-то стройка, половину Флэтбуш-авеню перекрыли. Я двадцать минут простояла на одном месте.

– Мы с Нэнси ездим на метро, – замечает Брукс. – Нам пробки не помеха.

Молли останавливается перед нами и несколько секунд пытается отдышаться.

От фонтана мы идём через парк к скалодрому. После ночного дождя воздух чистый и прохладный, с запахом мокрой земли и нагретой солнцем травы. На листьях ещё держатся крупные капли, и всякий раз, когда ветер шевелит ветви, они срываются вниз. Дорожки почти высохли, но в углублениях асфальта остались лужи, отражающие белые облака и зелёные кроны.

Скалодром находится в дальней части парка, за теннисными кортами. Высокая искусственная стена поднимается над деревьями неровной серой громадиной. После дождя здесь особенно много людей, как грибов на лесной поляне. У самых простых трасс толпятся семьи с детьми, на скамейках ждут своей очереди студенты, а на верхних участках медленно перемещаются фигуры в ярких шлемах.

В небольшом павильоне возле входа мы оформляем прокат. Нам выдают тесные скальные туфли, страховочные системы и шлемы, пахнущие пластиком и потом. Мы относим снаряжение к свободной трассе и раскладываем вещи на ещё влажной скамейке.

– Я всегда думаю о том, что будет, если верёвка порвётся, – говорит Молли, затягивая пояс.

– Нечего думать. Ты просто сдохнешь.

Молли выпучивает глаза.

– А если зацепиться за стену и проползти вниз?

– Не слушай её, – встречаю я. – На скалодромах регистрируют около одной серьёзной травмы на пятьдесят тысяч часов занятий. Гораздо проще умереть от удара током неисправным китайским вибратором.

Девочки оборачиваются на меня, как по команде.

– Не смотрите на меня так, я просто читала одну ветку на «Реддите».

Последние одиннадцать лет я постоянно слежу за новостями о нелепых смертях, чтобы убедить себя в том, что не только моим родителям так не повезло.

– Давай ты первая, – говорит Молли.

Я пожимаю плечами и подхожу к стене. Инструктор ещё раз проверяет узел на моей страховочной системе, дёргает верёвку и отступает назад.

– Можешь начинать.

Я выбрала желтую трассу – вторую по легкости после зеленой, по которой обычно лезут дети. Первые зацепы расположены почти у самой земли. Я ставлю носок скальника на жёлтый выступ, подтягиваюсь и нащупываю следующий. Главное – не смотреть вниз. Мои пальцы ищут очередной зацеп. Левая рука, правая нога. Перенести вес. Выпрямиться. Снова дотянуться.

– Давай, Нэнси! – кричит снизу Брукс. – Ещё немного!

На середине трассы пальцы начинают ныть. Я прижимаюсь к стене, ищу глазами следующий жёлтый зацеп и обнаруживаю его чуть выше, чем хотелось бы. Чтобы достать, приходится оттолкнуться ногой и на секунду повиснуть на одной руке. Внутри всё обрывается, но ладонь находит выступ. Я подтягиваюсь, дотрагиваюсь до верхней отметки и только тогда позволяю себе выдохнуть.

Меня спускают вниз.

– Я следующая, – уверенно говорит Брукс.

Она лезет гораздо быстрее меня, точно как какая-нибудь ящерица. Её розовый топ мелькает между серыми выступами, пока она уверенно переставляет ноги. На самом верху Брукс одной рукой касается последнего зацепа, а второй машет нам.

– Твоя очередь, – говорит она Молли, летя вниз на тросе.

– Может, я ещё немного посмотрю?

Брукс подходит к ней и поправляет перекрутившийся ремень страховочной системы.

– Если продолжишь смотреть, станет только страшнее.

Молли несколько раз глубоко вдыхает, затем всё-таки кладёт руки на стену.

– Я полезу по всем цветам.

Первые несколько футов она преодолевает медленно, но без остановок.

– Правую ногу выше, – подсказывает инструктор. – Желтая зацепка.

Молли находит её и подтягивается. Она поднимается до середины стены, где трасса немного уходит в сторону, и замирает.

– Куда теперь?

– Возьми зацепку слева, – кричит Брукс. – Нет, другой. Чуть выше!

Молли тянется, но не достаёт. Возвращает руку обратно и прижимается грудью к стене.

– Я не могу.

– Можешь, – говорю я. – Перенеси вес на левую ногу.

Она пробует. В этот момент верёвка над её плечом дёргается и застревает на краю выступа. Раздаётся короткий сухой скрежет. Молли резко оборачивается.

– Что это было?

– Ничего, – отвечает инструктор. Он натягивает верёвку, но та не поддается. – Стой спокойно.

– Почему она не двигается?

– Просто зацепилась. Сейчас поправим.

Молли судорожно хватается обеими руками за ближайший выступ.

– Спустите меня.

– Сначала нужно освободить верёвку.

– Нет. Спустите меня сейчас.

– Молли, всё нормально, – говорю я. – Ты на страховке.

Она опускает голову. Я вижу момент, когда её взгляд достигает земли. Этого делать не следовало.

– Боже мой, – выдыхает она. – Я слишком высоко.

– Не смотри вниз, – быстро говорю я.

Она пытается поставить ногу на прежний зацеп, промахивается и соскальзывает. Верёвка удерживает её сразу, но от резкого рывка Молли ударяется бедром о стену.

Несколько человек возле соседних трасс оборачиваются. Инструктор снова тянет верёвку, пытаясь снять её с выступа.

– Молли, не хватайся за неё! Держи руки на стене!

Но она уже отпустила зацеп и вцепилась в верёвку над карабином. Её ноги беспорядочно скользят по стене, не находя опоры.

– Я не могу здесь висеть! Пожалуйста! Пожалуйста, снимите меня!

Брукс перестаёт улыбаться. Она подходит ближе к стене и запрокидывает голову.

– Молли, послушай меня. Не двигайся. Просто закрой глаза.

– Не могу!

– Тогда смотри на стену.

Молли мотает головой. По её лицу текут слёзы. Она пытается вдохнуть, но вместо этого издаёт короткий сдавленный звук.

– Я не чувствую рук. Нэнси, Брукс, я не чувствую рук.

Инструктор резко дёргает верёвку в сторону. Она соскальзывает с края выступа и свободно проходит через верхний блок. Молли не сразу понимает, что начала двигаться вниз. Она продолжает цепляться за верёвку, подтягивая колени к животу, и повторяет одно и то же:

– Быстрее. Пожалуйста, быстрее.

Как только ноги Молли касаются земли, они подкашиваются. Мы с Брукс успеваем подхватить её под руки и отводим от стены. Молли опускается прямо на влажное покрытие, не обращая внимания на грязь, и пытается расстегнуть страховочную систему дрожащими пальцами.

– Сними её, – просит она. – Пожалуйста, сними с меня это.

Я опускаюсь перед ней на колени и помогаю открыть пряжку. Брукс придерживает Молли за плечо, пока та всё ещё смотрит вверх, на неподвижно висящую верёвку.

– Она же правда застряла, – шепчет Молли. – Я не придумала.

– Правда, – отвечаю я. – Но она не порвалась.

Молли переводит взгляд на меня.

– А могла?

Я хочу сказать, что нет. Что такое невозможно. Что оборудование проверяют каждый день, а серьёзные несчастные случаи случаются крайне редко. Но перед глазами возникает темная дорога, залитый кровью салон и дерево, которое тоже не должно было упасть.

– Нет, – говорю я после короткой паузы. – Не могла.

После неудачной попытки ползать на скалодроме, Молли ни в какую не хочет здесь оставаться. Она уговаривает нас пойти в новую кафешку недалеко от парка, где подают какие-то сногшибательные невероятные тако. Конечно, Молли сейчас нам что только не прорекламирует лишь бы не оказаться вновь на этой скале смерти. Брукс надувает щеки, матерится, но всё же соглашается с подругой, несмотря на то, что до конца проката у нас остается целый час.

Через пятнадцать минут мы уже сидим за столиком на веранде. И автоматические пульверизаторы брызгают капли на наши плечи.

– Такие же тако продает у нас индус на заправке. В десять раз дешевле, – говорит Брукс, сделав малюсенький укус.

Увидев раздосадованную Молли, я говорю:

– Зато здесь красиво.

Кафе внутри выполнено в стиле современной мексиканской асьенды: на стенах – светлый известняк, на полу – терракотовая плитка ручной работы. Отсюда и такие цены.

– Простите меня, девочки, если правда так не нравится, я могу оплатить. А заодно и верну вам деньги за прокат снаряжения.

– Брось, – Брукс машет рукой. – Я всё равно хотела с вами кое-что обсудить, поэтому хорошо, что мы здесь.

Она игриво выгибает бровь. И у меня от её загадочного взгляда сосет под ложечкой.

– Я передумала праздновать день рождения в «Черном кролике». И вообще, в Сити.

Молли давится матчей-тонином, который чуть не выливается у неё из носа.

– Что? Ты нас бросаешь?

– Нет, конечно! Я хочу, чтобы мы с вами отправились загород все вместе. Сняли дом...

Спина покрывается ледяным потом. Мне кажется, что моё тело поместили в прозрачный аквариум, налили воды, а Брукс и Молли остались снаружи. Я их не слышу, будто между нами тонна стекла. Я не хочу, чтобы всё повторилось. Я не хочу. Я не хочу. Я не хочу.

– Нэнси, а-у-у, – Брукс щелкает пальцами перед моими глазами. – Ты не рада?

Встряхиваю головой, чтобы собраться с мыслями.

– Прости, я ничего не понимаю. Мы собирались праздновать через неделю. Почему... почему не «Черный кролик»? Ты разве не забронировала столик?

– Уже отменила. Я подумала, что просто не переживу, если случайно встречу там Коннора. Это испортит мне день. *Мой* день.

Если скажу Брукс о том, что вероятность в городе на почти девять миллионов человек встретить придурка-бывшего ничтожна мала, она кинет в меня тако. Коннор и правда периодически зависает в «Черном кролике» со своими приятелями. Так она и узнала об этом месте.

– Но как ты собираешься искать дом за неделю? Сейчас лето. Наверняка что-то приличное люди бронируют за год.

– Друзья родителей Джейка уехали на лето в Европу. У них теперь пустует дом на Файер-Айленде. Они вообще не собирались сдавать его в аренду, но ради Джейка сделали исключение. Не зря мы с ним подружились на первом курсе. Конечно, в таком случае придется его позвать. И друга, как его там?

– Майло, – подсказывает Полли.

Я упираюсь в неё ошарашенным взглядом.

– И ты собралась звать на свой день рождения человека, чье имя не помнишь? Ещё и ночевать с ним под одной крышей в какой-то глуши.

– Я просто забыла, – Брукс стонет, как раненый тюлень. – Почему ты так сопротивляешься?

Слова застревают в горле. Мы знакомы с Полли и Брукс по колледжу, и никогда особо не делились друг с другом глубокими личными переживаниями. Сейчас не время посвящать их в то, что произошло со мной.

– Не знаю. Я... – судорожно подбираю слова, – боюсь диких животных.

– Дикие животные на Файер-Айленде? Ты совсем сдурела? Это, может, у вас в Луизиане на каждом шагу можно встретить крокодила, здесь их нет.

Тут зато на каждом шагу водятся мерзкие бывшие.

– Нэнси, посмотри фотки, если хочешь, – Молли пожимает плечами. – Там правда классно. Есть много баров.

Я достаю телефон, вбиваю «Файер-Айленд» и первым делом мне открывается зеленый заповедник, полный деревьев. Наверное, по моему лицу подруги понимают, что я не в восторге.

– Лучше посмотри, какой там пляж. Ты давно ездила на пляж? – Молли поворачивается к Брукс. – На чем мы, кстати, поедем? Там же вроде запрещены машины.

От этой новости напряжение меня внезапно отпускает.

– Ты без машины, наверное, даже мусор не выносишь. Поедем на пароме.

– Паром? – с улыбкой спрашиваю я. – Паром – это круто. Что же вы раньше не сказали?

– Будто бы у тебя был выбор, идти или не идти на мой день рождения!

– Прости, просто у меня были некоторые сомнения насчет этой идеи... но да ладно, мне пора бежать. Я обещала Дороти успеть к «Сахарной бойне».

Брукс церемонно закатывает глаза.

– Скинь мне, кстати, номер Сью, твоей подруги. Я хотела добавить её в наш общий чат.

Я киваю. Хотя мне не совсем нравится, что Брукс и Сью подружились. Я зачем-то наврала моим друзьям по колледжу, что прежде никогда не жила в Нью-Йорке. Заодно я соврала им и о нашем знакомстве со Сью. Просто вырвалось. Теперь из-за этого будет столько сложностей. Сюзанн не любит лгать. А кто любит? Только разве психи вроде меня, да и то я сама этому не рада.

Пирс

Квартира доктора психологических наук находится в Бруклине. Совсем недалеко от жилища Нэнси и от места моего следующего убийства.

Я никогда не выбираю сам, кого убивать. Выбирает начальство, а я лишь исполняю его приказы. Почитают ли система правосудия Соединённых Штатов меня невиновным? Вряд ли. Хотя до сей поры у них никогда не было ко мне претензий. Даже родственники жертв напрямую меня не бранили, они всегда находили ответственных: правительство, профсоюзы, наплыв беженцев. Это их право. Человеку проще что-то принять, когда он видит четкие взаимосвязи между действиями и последствиями. Несколько сотен бездомных умерли от жары? Дело в капитализме. Школьник покончил с собой? Причина в новой реформе образования. Если обрезать эти ниточки, человечество сойдет с ума.

Кого, интересно, будут винить в смерти Али Юсуфзая?

На Флэтбуш-авеню демонтируют знаменитый кинотеатр «Коронет». Точнее знаменитый для тех, чья молодость пришлась на девяностые и кто застал плёночные проекторы. Для всех остальных – это просто несуразное нечто посреди улицы. После закрытия кинотеатра в вестибюле какое-то время работал магазин дешёвой мебели, а бывший зрительный зал использовали как склад. Когда внутри обнаружили асбест, здание признали аварийным. Теперь на его месте застройщик собирается возвести восьмизэтажный жилой дом.

Пять минут до станции «Черч-авеню», улыбчивый консьерж, личное место на парковке – всё как по инструкции. Денег срубят немерено. Когда-нибудь. Но а сейчас здесь просто пыль и строительный мусор, мешающий на проезжей части.

Я прибываю заранее, чтобы тщательно всё осмотреть. Сегодня мне стоит быть особенно осторожным, потому что время играет важную роль. Если не успеть, то от этого парня не будет толка даже после смерти.

Фасад кинотеатра уже почти исчез за строительными лесами и защитной сеткой. Вертикальная вывеска, на которой когда-то светились буквы, снята наполовину. Верхние секции лежат во дворе среди погнутых металлических рам, а нижняя часть по-прежнему держится на стене, оставляя на выцветшем кирпиче длинный ржавый след. Она прикрыта фанерными щитами, образующими над тротуаром узкий проход.

Рабочие разбирают фасад сверху вниз.

Али работает на среднем ярусе, примерно на высоте четвёртого этажа. Вместе с напарником он демонтирует наружную часть козырька и прилегающие к ней декоративные панели.

На нём каска, защитные очки и страховочная привязь. От спины тянется страховочная линия, соединённая с временной системой креплений, установленной вдоль стены. Когда Али перемещается по настилу, карабин скользит вместе с ним.

Я наблюдаю за работой из-за ограждения, пока Али заканчивает очередной участок. Он дважды проверяет трос на панели, поднимает руку и подаёт знак рабочему внизу. Металл медленно отходит от стены и повисает в воздухе.

Али говорит что-то напарнику, указывает на часы и начинает спускаться. Обеденный перерыв.

Я жду, пока последний рабочий покинет леса.

Шум не прекращается полностью. На другой стороне здания продолжает работать погрузчик. По Флэтбуш-авеню идут автобусы. Защитная сетка шелестит, ударяясь о стойки. Но на среднем ярусе никого не остаётся.

Я прохожу вдоль ограждения и нахожу служебный вход.

Рабочее место Али легко узнать. Рядом лежат его перчатки, мел и бутылка воды. На кирпичной стене белой краской отмечена следующая секция, которую предстоит снять. Страховочная линия закреплена чуть выше.

Я осматриваю её, не касаясь сразу. В системе несколько соединений, и каждое рассчитано на то, чтобы выдержать резкую нагрузку. При падении она должна остановить человека раньше, чем тот достигнет края настила.

Я выбираю элемент, который не привлекает внимания. Снаружи он останется прежним. Проверка перед началом работы не покажет ничего необычного. Али пристегнётся, потянет линию на себя и почувствует привычное сопротивление.

Но в момент настоящей нагрузки система поведёт себя иначе.

Закончив, я возвращаю всё на прежнее место. Через несколько минут Али вернётся и продолжит демонтаж.

Он обедает с приятелем возле небольшого фургона с едой, припаркованного за углом. Они сидят на бетонном ограждении, поставив между собой бумажные пакеты. Али держит в руках кебаб, завернутый в фольгу. Из разорванного края выступают мясо, капуста и белый соус.

Они говорят на урду. Я на нем тоже немного говорю, если понадобится, и прекрасно их понимаю. Разговор ведется про недавно родившую жену. Приятель хлопает Али по плечу, и тот показывает что-то на экране телефона. Вероятно, фотографию.

Они заканчивают одновременно. Поднимаются и относят упаковки с фольгой к урне. Али задерживается на секунду, чтобы вытереть жирные пальцы салфеткой. Она тоже оказывается в мусорке. Но порыв ветра тут же подхватывает её, выносит обратно и гонит по тротуару.

Нэнси

Спускаясь в подземку, я достаю телефон и отправляю сообщение Брукс: «Ты всё-таки уверена, что хочешь позвать Сью? Вы с ней виделись всего пару раз».

Попытка не пытка. Последний раз, когда Сюзан оказалась на одной тусовке с моими новыми друзьями, я весь вечер не находила себе места. Я люблю Сью, но она – моё прошлое, а они – настоящее. И в настоящем я о многом недоговариваю.

Мне неловко оттого, что подруга молча наблюдает за этим цирком. Я видела её лицо в толпе, и каждый раз оно напоминало мне о том, как много я вру. Как всеми силами пытаюсь быть той самой девушкой, чьи родители не умерли, когда ей было девять. Они дружно отпраздновали День независимости и вернулись в Нью-Йорк. Целые и невредимые.

Я сполна наелась правды, пока жила в Луизиане. Стоило людям узнать, что я сирота, как их отношение ко мне менялось. На праздниках мне доставался кусок торта побольше, в школе мои странные выходки быстро прощали: *её можно понять, она такое пережила*.

В хорошую сторону отношение менялось только у взрослых, но не у моих сверстников. Они начинали меня сторониться, будто сиротство заразно. Их раздражало, что одной мне давали поблажки. А однажды, прячась в школьном туалете, я даже услышала, как меня называют психичкой, у которой на глазах сплуснуло родителей.

Всё это, конечно, глупости. Но я больше не хочу видеть в своей жизни ни сожаления, ни расспросов, ни насмешек. Поэтому теперь приходится расхлёбывать последствия собственной лжи.

Я захожу в вагон. Как только поезд ныряет в тоннель, сеть пропадает. На следующей станции на телефон приходит сообщение: «Почему ты вдруг стала такой дотошной? Сью – прикольная девчонка. Мы с ней классно провели время на вечеринке у Аарона. Ну и ещё я не хочу, чтобы нас было трое парней и трое девушек. Это будет выглядеть так, будто я специально разбила всех по парам. На моём дне рождения закрываться по комнатам запрещено! Только дружеское общение».

Пишу: «Ок», – и прикрепляю номер Сью. Спорить с Брукс бесполезно.

В ту же секунду телефон вибрирует в руке. На экране всплывает новое уведомление. Дороти просит купить бумажные формочки для капкейков и цветную посыпку во «Всё по пять». Пытаюсь отправить ей ответ, но интернет снова не ловит. Придётся выйти на одну станцию раньше и немного пройтись пешком. Погода сегодня отличная, так что я не против.

Поезд прибывает на станцию «Черч-авеню», и я протискиваюсь между пассажирами на платформу. Здесь пахнет потом и жжёной резиной. Не люблю этот запах, хочется поскорее выбраться наружу.

Пока я ехала, Брукс уже успела создать чат под названием «ДР вашей любимой львицы». В нём семь человек, как она и обещала. Четыре девушки и три парня. Джейк уже успел написать: «Ты не самая моя любимая львица».

Майло: А кто тогда? У Стеф день рождения в феврале.

Стефани – это девушка, которая публично отшила его, когда он подошёл к ней в кампусе и позвал на свидание.

Джейк: Твоя мамаша.

Майло: Она Скорпион, идиот.

Что за детский сад? Продолжаю листать сообщения в поисках чего-нибудь более информативного, пока поднимаюсь по лестнице. Из важного – Брукс чуть не исключила Джейка из чата.

На первом курсе ходили слухи, что она ему нравится. Они, кажется, даже несколько раз после пар ходили вдвоём в какую-то кафешку, чтобы «подготовиться к семинару». Но потом

их общение быстро приняло исключительно дружескую тональность. Может, Брукс рассказала ему, что не собирается ни с кем спать до свадьбы?

Я сворачиваю на улицу, где находится «Всё по пять». Половина проезжей части здесь перекрыта из-за ремонтных работ, повсюду снуёт строительная техника. Мне приходится протиснуться в специальный проход для пешеходов, огороженный от дороги. Брукс пишет: «Мы же поедem все вместе? Ни у кого нет возражений?»

Начинаю печатать ответ, но меня отвлекает оглушительный шум сбоку. Крики людей. Гудки автомобилей. Глухой звук удара. Я не сразу понимаю, что происходит. Мечусь взглядом по сторонам и наконец замечаю на дороге что-то тёмное. Человека. Я выбегаю на проезжую часть, не думая ни секунды. Времени на раздумья нет. Если я прямо сейчас ничего не сделаю, его могут задавить.

Первое, что замечаю, – каску. Она лежит в нескольких футах, перевёрнутая набок. Потом – страховочный трос, который тянется за его спиной и заканчивается оборванным карабином. Или не оборванным. Я не могу понять. Металл выглядит целым, но почему-то больше ни к чему не прикреплён.

Сам мужчина лежит на спине, неестественно вытянув одну руку вдоль тела. Вторая согнута под странным углом. Его рабочая куртка задралась, обнажив полоску живота, а на подбородке блестит кровь.

Он не двигается.

– Вы меня слышите? – спрашиваю я и наклоняюсь ближе. – Сэр? Не двигайтесь. Я сейчас вызову скорую.

Его веки дрожат. Глаза открываются не сразу, будто это требует от него слишком много сил. Он смотрит куда-то мимо меня, на небо между домами, потом переводит взгляд на моё лицо. Я уже достаю телефон. Пальцы не слушаются. Экран выскальзывает из ладони, я едва успеваю его поймать.

Я прижимаю телефон к уху.

– Девять-один-один, что у вас произошло?

– Мужчина упал со стройки. С большой высоты. Он лежит на проезжей части и не может двигаться. Мы на Флэтбуш-авеню, рядом с Черч-авеню. Здесь раньше был кинотеатр «Коронет».

Оператор задаёт вопросы. Дышит ли он? В сознании ли? Есть ли сильное кровотечение?

Я смотрю на мужчину. Его грудь едва заметно поднимается.

– Он дышит, – отвечаю я. – Кажется. Да, он дышит.

– Не перемещайте пострадавшего. Не давайте ему вставать. Помощь уже направлена.

Его губы шевелятся. Я не слышу слов из-за сигналящих машин и криков. Наклоняюсь ниже, почти касаясь ухом его лица. Он делает короткий вдох.

– Нэнси.

Я замираю. На секунду мне кажется, что я неправильно расслышала. Что он сказал что-то на другом языке или просто выдохнул бессвязный набор звуков.

– Что вы сказали?

Его глаза находят мои.

– Нэнси. Не оставляй меня.

На этот раз я слышу совершенно отчётливо. Внутри всё обрывается. То же самое одиннадцать лет назад сказал мне отец, когда его тело проткнуло сосновый сук, намертво пришив к сидению, будто пуговицу.

– Откуда вы знаете моё имя?

Мужчина пытается вдохнуть глубже, но вместо этого издаёт тихий хрип. В уголке его рта появляется тонкая красная полоска.

– Вы меня знаете? – спрашиваю я. – Кто вам сказал моё имя?

Он смотрит на меня так, будто хочет что-то сказать. Его зрачки двигаются медленно, с трудом удерживаясь на моём лице. Я судорожно прокручиваю в голове последние минуты. Его взгляд начинает рассеиваться.

Я вижу это не сразу. Сначала мне кажется, что он просто смотрит за моё плечо. Потом понимаю: он больше не смотрит ни на что конкретное.

– Нет. Нет, смотрите на меня.

Я протягиваю руку, но останавливаю её в воздухе, не зная, можно ли к нему прикоснуться.

– Скорая уже едет. Вы слышите? Всё будет хорошо.

Я произношу это потому, что так говорят в таких случаях. Всё будет хорошо. Самая бесполезная фраза в мире. Его глаза остаются открытыми, но что-то в них меняется. Будто свет в комнате постепенно гаснет, хотя лампа всё ещё включена.

– Оставайтесь со мной, – шепчу я.

Я знаю этот взгляд. Видела его раньше. Сирены становятся громче.

Кто-то кладёт руку мне на плечо и отводит назад.

– Мэм, дайте парамедикам работать.

Двое медиков опускаются рядом с мужчиной. Один поддерживает его голову, второй разрезает рабочую куртку. Они говорят короткими командами, достают оборудование, закрепляют что-то у него на шее.

Меня оттесняют к тротуару. Я стою, прижав руки к груди, и не могу отвести взгляд. Вокруг собирается толпа. Люди поднимают телефоны. Кто-то спорит с полицейским, требующим отойти за ограждение. Рабочие спускаются с лесов один за другим. На их одежде осела белая пыль. Я смотрю вверх, и мне становится холодно, хотя на улице по-прежнему жаркий август, как и утром.

– Вы видели момент падения?

Передо мной стоит полицейский. Лет сорока, с коротко остриженными волосами и тёмными кругами под глазами. В одной руке он держит блокнот.

– Нет. Я услышала шум, а потом увидела его на дороге.

– Вы с ним о чем-то говорили?

Пробую правду на языке и понимаю, что полицейский сочтет меня за сумасшедшую. Поэтому вру:

– Нет.

Полицейский кивает.

– Вы заметили что-нибудь необычное до или после падения?

Я снова смотрю вверх.

– Он упал слишком далеко.

– Что значит «слишком далеко»?

– От здания. Если он просто сорвался, он должен был упасть ближе к лесам. А он оказался на середине дороги.

Полицейский переводит взгляд на место падения, потом на строительные леса.

– При падении человек может удариться о конструкцию или изменить траекторию.

– А страховка?

– Это будут проверять специалисты.

– Его могли столкнуть?

Я сама слышу, как безумно это звучит. Полицейский смотрит на меня внимательнее.

– Вы видели кого-нибудь рядом с ним?

– Нет. Я шла под этим, как его там, карнизом из досок и вообще ничего не видела. Вы же не бросите это так? Он... он не мог просто сам сорваться. Я не знаю, мне кажется, кто-то хотел мне что-то...

Полицейский меня перебивает и сует в руку карточку.

– Здесь мой рабочий номер. Если вспомните что-нибудь конкретное, позвоните.

Остаюсь на тротуаре с его визиткой в руке. Детектив Левински. За моей спиной проезжает машина, поднимая с асфальта смятую белую салфетку. Ветер несёт её вдоль улицы, пока она не прилипает к металлической ножке строительного забора.

Если я пробуду здесь ещё хотя бы минуту, меня стошнит прямо на дорогу.

Срываюсь с места, будто за мной несётся чудовище, и быстрым шагом иду к дому Дороти. Перед глазами всё размыто, словно город покрыли мыльной пеной, а в ушах снова и снова звучит голос рабочего.

«Нэнси, не оставляй меня».

Хочется заплакать, разрыдаться, как ребёнок, но слёзные каналы высохли, подобно ручью в пустыне под палящим солнцем.

– Не оставляй меня, Нэнси, – сказал отец, когда я пыталась вытащить из его тела сухие сучья.

Дерево упало на машину по диагонали. От матери почти ничего не осталось, а отцу раздробило ноги и прижало его к водительскому сиденью. Один из сучьев пробил тело насквозь и пригвоздил его к спинке, словно пуговицу.

Помню, как я бесконечно открывала и закрывала глаза в надежде, что всё исчезнет, если зажмуриться достаточно сильно. Как металась по дороге, чёрной, словно пустота между звёздами. Как прислушивалась к дыханию отца, пока оно не замерло навсегда.

Помню собственный крик.

– Господи, какой кошмар. Какое несчастье. Боже мой, – раздался из темноты мужской голос.

Меня ослепил резкий свет. Кто-то вышел на дорогу с фонариком.

– Пожалуйста, помогите им! – закричала я.

– Как тебя зовут?

Горло сдавил очередной хрип, и я, заикаясь, проговорила:

– Н... Н... Нэнси.

– Нэнси, послушай меня. Я не смогу помочь твоим родителям. Пошли в дом, я вызову спасательную службу. Там есть стационарный телефон.

– Папа сказал, чтобы я его не оставляла. Он ещё жив.

Мужчина обошёл наш «Форд», посветил внутрь салона и глубоко вздохнул.

– Мне очень жаль, но помочь ему уже невозможно.

– Нет.

Мои пальцы впились в волосы и вырвали несколько прядей.

– Нет, нет, нет!

– Нэнси, пойдём. Когда я уйду, здесь будет совсем темно. Ты разве не боишься?

Не знаю, можно ли было назвать то чувство страхом. Мне было страшно, когда я случайно увидела по телеку «Звонок». С тех пор я никогда не оставляла телевизор включённым после того, как уходила из комнаты.

Но тогда я чувствовала не страх.

Это была разъедающая изнутри пустота, будто меня заставили выпить серную кислоту. Даже когда мы приехали в дом и мужчина включил свет, всё вокруг по-прежнему оставалось тёмным. Эта темнота до сих пор стоит у меня перед глазами. Кажется, та ночь так и не закончилась.

– Нэнси, дорогая, что с тобой? – спрашивает Дороти, когда я влетаю в квартиру, словно ураган.

Я опускаю взгляд на свои руки. Они в крови. Кровь забилась под ногти, засохла на пальцах и тёмными разводами покрыла ладони. Я даже не помню, когда успела прикоснуться к тому рабочему.

– Там, на Черч-авеню, произошёл несчастный случай. Простите, я не купила вам формочки для капкейков и...

– Какие формочки? – перебивает меня Дороти.

В руках она держит каталог «Уильямс Сонома». Смотрит на меня ошарашенно. Кто-то из нас явно сошёл с ума.

– Извините, я просто в шоке. Там рабочий упал в нескольких футах от меня и разбился. Возможно, насмерть. Я не знаю.

– Нэнси, какой ужас!

Дороти бросает каталог на стол и подходит ближе, но замирает, увидев мои руки.

– Я поищу какое-нибудь успокоительное. А ты скорее переодевайся и прими душ.

В моей комнате есть отдельная ванная. На трясущихся ногах я захожу туда и закрываю за собой дверь. Кровь под краном сначала становится розовой, затем исчезает в сливе. Я тру руки жидким мылом до тех пор, пока кожа не начинает гореть, но мне всё равно кажется, что запах остался. Я опускаю крышку унитаза и сажусь. Достāju телефон и открываю переписку с Дороти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.